

ЭМИЛИ ГИФФИН

ЭМИЛИ ГИФФИН

ВСЕ, ЧТО МЫ
ХОТЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г46

Emily Giffin
ALL WE EVER WANTED

Серия «Вкус к жизни»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Park Literary Group и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского Александры Смирновой

Оформление обложки Яны Половцевой

Гиффин, Эмили.

Г46 Все, что мы хотели : [роман] / Эмили Гиффин ; [перевод с английского А. С. Смирновой]. — Москва : АСТ, 2019. — 384 с. — (Вкус к жизни).

ISBN 978-5-17-116879-7

У Нины Браунинг было все, о чем мечтают женщины: муж, владеющий огромным состоянием, сын, поступивший в один из самых престижных колледжей. У Лилы Вольп и ее отца была сравнительно неплохая жизнь: девушка успешно училась в престижной школе, радовала папу и... была влюблена.

Если бы не скандальная история, в которую попал ее сын, возможно, Нина Браунинг никогда бы не решилась кардинально изменить свою жизнь и уйти от нелюбимого мужа.

Если бы не тот скандал, Лила Вольп никогда бы не испытала такого унижения...

Если бы не тот скандал, Том Вольп никогда бы не познакомился с Ниной Браунинг...

Если бы не тот скандал, судьбы героев никогда бы не переплелись так тесно.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Emily Giffin, 2018
© Смирнова А., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-116879-7

*Эдварду и Джорджу,
с любовью и гордостью*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НИНА

Всё это началось обычным субботним вечером. Под «обычным» я не имею в виду то, что, как правило, подразумевает большинство американцев. Не то чтобы я жарила с соседями барбекю, ходила в кино или делала ещё что-нибудь из того, чем занималась в детстве. Нет, он был обычным для того образа жизни, который мы вели с тех пор, как Кирк продал свою компанию, выпускавшую программное обеспечение, и мы из состоятельной семьи стали богатой. Очень богатой.

Бесстыдство — вот каким словом назвала всё это однажды моя подруга детства Джули, хотя она говорила не о нас, а ещё об одной моей подруге, Мелани, купившей себе «Ролекс» с бриллиантами на День матери, а потом небрежно заметившей на одном из наших совместных обедов, что поделок, которые слепили детишки, ей «недостаточно».

— Она могла кормить на эти средства целый лагерь сирийских беженцев, — ворчала Джули у меня на кухне, когда остальные гости уже разошлись. — Целый год. Это *бесстыдство*.

Я пробурчала что-то нечленораздельное, пряча «Карты» подальше в угол мраморной барной стойки и напоми-

ная себе, что мои часы, да и вся моя жизнь в целом совсем не такие, как у Мелани. Во-первых, я не покупаю часы сама себе, потому что мне так захотелось, — их подарил мне Кирк на пятнадцатую годовщину свадьбы. Во-вторых, я всегда любила, когда наш сын Финч в юные годы вручал мне самодельные подарки и открытки, и мне было очень грустно, что они стали пережитками прошлого.

Но важнее другое. Не помню, чтобы я когда-нибудь выставляла напоказ своё богатство. Если уж на то пошло, оно меня смущало. Поэтому Джули не стыдила меня деньгами. Она не знала наш точный доход, но примерно представляла, особенно когда отправилась со мной на поиски нового жилья, потому что Кирк был слишком занят, и помогла выбрать дом на бульваре Бель Мид, где мы теперь и жили. Она, её муж и дочери часто посещали наш дом у озера и дом на острове Нантакет; она с радостью принимала от меня в подарок дизайнерские обноски.

Порой Джули распекала Кирка — хотя он не был таким показушником, как Мелани, но зато имел привычки, свойственные элите. Будучи представителем нэшвилльских богачей в четвёртом поколении, Кирк окончил частную школу, а теперь состоял в загородном клубе для избранных, так что имел некоторый опыт в мире снобизма, даже когда ещё не был так бесстыдно богат. Другими словами, Кирк вышел «из хорошей семьи» — этот неуловимый термин, которому никто не давал точного определения, в сущности обозначал фамильное состояние и утончённые, изысканные вкусы. В общем, он — Браунинг.

Моя девичья фамилия, Сильвер, не несла в себе никакого особого статуса даже по меркам Бристоля, города на

границе Теннесси и Вирджинии, где я выросла и где по-прежнему жила Джули. Мы не бедствовали — отец писал статьи для бристольской ежедневной газеты, мама преподавала в школе, в четвёртом классе, — но были обычными представителями среднего класса, и шикарным для нас считалось заказать десерт в ресторане. Оглядываясь на прошлое, я думаю: может быть, это объясняло мамину излишнюю озабоченность деньгами. Не то чтобы она была на них зациклена, но всегда могла сказать, у кого они есть, а у кого их нет, кто экономит, а кто живёт не по средствам. Опять же, мама знала всё обо всех жителях Бристоля. Она не собирала сплетен — во всяком случае, грязных, — она просто слишком живо интересовалась делами других людей, начиная с финансов и здоровья, заканчивая политическими и религиозными убеждениями.

Так уж вышло, что мой папа — иудей, а мама — методистка*. «Живи и давай жить другим» — вот их мантра, девиз, который отразился на моём воспитании и воспитании моего брата Макса. Мы оба приняли для себя наиболее приятные моменты обеих религий — к примеру, Санта-Клауса и Седер**, — а еврейское чувство вины и христианские представления о божьей каре оставили за бортом. Это было хорошо, особенно для Макса, который, ещё учась в колледже, признался в нетрадиционной ориентации. Родители и ухом не повели. Если

* М е т о д и з м — протестантская конфессия, в XVIII веке отделившаяся от англиканства с требованием последовательного и методичного соблюдения евангельских предписаний. Распространена главным образом в США и Великобритании.

** С е д е р П е с а х — ритуальная семейная трапеза в праздник Песах (еврейская Пасха).

на то пошло, эта новость взволновала их меньше, чем социальный статус Кирка, во всяком случае в то время, когда мы только начали встречаться. Мать уверяла, что просто расстроена, что я рассталась с Тедди, бойфрендом школьных времён, которого она обожала, но я видела здесь лёгкий комплекс неполноценности и беспокойство, что Браунинги смотрят на меня и мою семью сверху вниз.

Откровенно говоря, не имеющая капитала девица из Бристоля, отец которой — еврей, а брат — гомосексуалист, вряд ли была блестящей партией для единственного наследника. Полагаю, и Кирк не считал меня таким уж подходящим вариантом. Но что тут скажешь? Он всё равно выбрал меня. Я всегда убеждала себя, что он полюбил меня за мои душевные качества, за то, что я — это я, точно так же как я его полюбила. Но в последние несколько лет я всё чаще стала задумываться о нас обоих и о том, что свело нас вместе во времена учёбы в колледже.

Должна признать, что, обсуждая наши отношения, Кирк часто упоминал мои внешние данные. Что уж там, *всегда*. Поэтому было бы наивно полагать, что меня полюбили не за внешность — но ведь и меня, в свою очередь, привлекли лоск и надёжность юноши из «хорошей семьи».

Мне было неприятно это осознавать, но я прекрасно понимала, что произошло в тот субботний вечер, когда мы с Кирком взяли такси и поехали на светский раут, пятый в этом году. Мы стали *той самой* парой, думала я, сидя на заднем сиденье чёрного «Линкольна» — супругами в нарядах от Армани и Диор, которые почти не разговаривают. Что-то в наших отношениях пошло

на спад. В деньгах ли дело? В том, что Кирк уделял им слишком много внимания? В том, что Финч стал старше, ему требовалось меньше внимания и я не могла найти себя, не занимаясь ничем, кроме филантропии?

Я вспомнила недавний вопрос отца: почему мы с друзьями не пропускаем ни одного светского раута и отдаём *все* деньги на благотворительные цели. Мать заметила, что мы могли бы делать что-то посерьёзнее, работая «в синих джинсах, а не в чёрном галстуке». Это меня задело, и я напомнила им, что занимаюсь и другими делами — например, отвечаю на звонки горячей линии Нэшвилла по предотвращению самоубийств. Конечно, я не стала сообщать родителям, что Кирк порой сводил эту работу к минимуму, заявляя, что у меня лучше получается выписывать чеки. Он предпочитал тратить доллары, а не время; тот факт, что материальные пожертвования вызывают больше доверия, уважения и огласки, был очевиден.

Кирк — хороший человек, говорила я себе, глядя, как он отхлёбывает бурбон из красного одноразового стаканчика. Я слишком строга к нему. К нам *обоим*.

— Выглядишь потрясающе, — вдруг сказал он, обведя меня взглядом, и я размякла ещё больше. — Это платье — просто *невероятное*.

— Спасибо, милый, — ответила я.

— Жду не дождусь, когда сниму его с тебя, — прошептал он очень тихо, чтобы не услышал водитель. Соблазнительно взглянул на меня и налил себе ещё бурбона.

Я улыбнулась в ответ на его слова и подавила в себе желание сказать ему, чтобы он не пил так много. У Кирка не было проблем с алкоголем, но в этот вечер он не ограничился красным вином. Может быть, дело в *этом*,

подумала я. Нам обоим нужно было разгрузить графики светских мероприятий. Меньше отвлекаться. Больше жить настоящим. Может быть, осенью, когда Финч начнёт учиться в университете.

— Кому ты уже сообщила? — спросил он, очевидно, тоже думая о Финче, вспоминая письмо о зачислении, которое пришло только вчера.

— Только семье, Джули и Мелани, — ответила я. — А ты?

— Только друзьям по гольфу, — сказал он и отбарабанил имена своих приятелей. — Я не хотел хвастаться... но не смог сдержаться.

Выражение его лица отражало гамму моих чувств — сочетание гордости и невозможности поверить. Финч хорошо учился, зимой был зачислен в университеты Вандербильта и Вирджинии. Но поступить в Принстон было маловероятно. Зачисление стало результатом множества решений — например, записать Финча в Виндзорскую академию, одну из самых престижных и суровых школ Нэшвилла, когда ему было всего пять. С тех пор мы всегда ставили на первый план образование нашего сына, по необходимости нанимали лучших репетиторов, прививали ему любовь к искусству, посетили вместе с ним почти все уголки земного шара. За последние три года мы успели отправить его в поездку по Эквадору, в велосипедный лагерь во Франции и на курсы морской биологии на Галапагосских островах. Я, конечно, отдавала себе отчёт, что мы обладаем несомненным финансовым преимуществом перед другими абитуриентами, и отчего-то чувствовала себя немного виноватой (особенно когда выписывала чек в фонд университета). Но я сказала себе: одних только

денег недостаточно, чтобы попасть в Лигу Плюща*. Финч усердно поработал, и я им очень гордилась.

Думай об этом, сказала я себе. Думай о хорошем.

Кирк вновь смотрел в телефон. Я достала свой, вошла в Инстаграм. Подружка Финча, Полли, только что выложила фото их обоих с подписью: *Мы крутые, юхуху! Клемсон и Принстон, встречайте!*

Я показала фото Кирку, зачитала вслух несколько комментариев с поздравлениями от детей наших друзей, которые часто заявлялись к нам домой.

— Бедная Полли, — сказал Кирк. — Всё это и семестра не продлится.

Я не совсем поняла, что, по его мнению, станет причиной — расстояние между Южной Каролиной и Нью-Джерси или просто недолговечность юных чувств, но что-то пробормотала в знак согласия, стараясь не думать об упаковке от презерватива, которую недавно нашла у Финча под кроватью. Не то чтобы это меня удивило, мне просто взгрустнулось при мысли о том, как быстро он вырос и как сильно изменился. В детстве он был таким болтуном, таким не по годам развитым ребёнком, всегда до мельчайших подробностей выкладывал мне, как прошёл его день. Я знала о нём всё, он ничего не скрывал. Но с переходным возрастом пришла некая отчуждённость, которая так и не прошла, и в последнее время мы общались очень мало, как бы я ни старалась сломать барьеры. Кирк убеждал меня, что это нормально,

* Л и г а П л ю щ а — это неофициальная ассоциация восьми лучших и старейших американских университетов. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

когда мальчик готовится покинуть гнездо. *Ты слишком беспокоишься*, всегда говорил он мне.

Я убрала телефон обратно в сумку, вздохнула и сказала:

— Ну, ты готов?

— К чему именно? — спросил он, допивая бурбон.

Мы повернули на Шестую авеню.

— К нашей речи, — уточнила я, имея в виду *его* речь, во время которой буду стоять у него за спиной и морально поддерживать.

Кирк недоумённо посмотрел на меня.

— Речи? Напомни-ка, что это опять за раут?

— Надеюсь, ты шутишь?

— Трудно всё это удержать в голове.

Я вздохнула и сказала:

— Раут фонда «Надежда», милый.

— И на что же мы надеемся? — спросил он с ухмылкой.

— Предотвратить случаи суицида, — ответила я. — Мы — почётные гости, забыл?

— Это ещё почему? — удивился он, и это начало меня раздражать.

— Потому что мы проделали большую работу по привлечению в Нэшвилл специалистов психологической помощи, — оттарабанила я, хотя мы оба знали: дело тут в пожертвовании на пятьдесят тысяч долларов, которые мы перевели в фонд прошлым летом, когда покончила с собой новенькая ученица Виндзора. Даже спустя столько месяцев мне было слишком тяжело осознать то, что произошло.

— Да шучу я. — Кирк погладил меня по ноге. — Конечно, я готов.

Я кивнула, думая, что Кирк всегда готов. Всегда на высоте. Самый уверенный и рациональный человек из всех, кого я знаю.

Минуту спустя мы приехали в отель. Молодой красивый камердинер распахнул нам дверь, оживлённо поприветствовал.

— Вы останетесь на ночь, мадам? — спросил он. Я ответила, что приехала только на раут. Он кивнул, протянул мне руку, и я, расправив складки чёрного кружевного платья, направилась к ковровой дорожке. И тут же увидела Мелани, окружённую стайкой друзей и знакомых. Как обычно. Она рванула ко мне, на ходу расточая воздушные поцелуи и комплименты.

— Ты тоже красотка. Новые? — спросила я, коснувшись кончиками пальцев самых роскошных в мире бриллиантовых серёжек.

— Винтажные, но получила только что, — ответила она. — В качестве извинения от сама знаешь кого.

Я улыбнулась и осмотрелась в поисках её супруга.

— Кстати, а где Тодд?

— В Шотландии. Поехал с друзьями играть в гольф. Помнишь? — Она закатила глаза.

— Да, точно, — ответила я, думая, что с глупыми увлечениями Тодда, должно быть, нелегко мириться. В этом плане он был хуже Кирка.

— Придётся тебе поделиться со мной этим господином, — заявила Мелани и повела плечами, когда Кирк, выйдя из машины, подошёл к нам.

— Уверена, он возражать не будет, — ответила я с улыбкой. Как того требовал приличный флирт, Кирк кивнул и расцеловал Мелани в обе щёки.